

А.О. Шатохина

**РОМАН Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ИГРОК» В ПЕРЕВОДЕ
Ф. ДЖ. УИШОУ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ**

В статье рассматривается первый перевод романа Ф.М. Достоевского «Игрок», представленный британским писателем Ф.Дж. Уишоу в 1887 г. На материале первой главы романа предпринимается попытка выявить особенности подхода Уишоу к переводу «Игрока».

Ключевые слова: *Ф.М. Достоевский, роман «Игрок», Ф.Дж. Уишоу, перевод.*

Первый из известных нам англоязычных переводов романа Ф.М. Достоевского «Игрок» был опубликован британским писателем Ф.Дж. Уишоу (1854–1934) в 1887 г. Среди всего многообразия русской литературы творчество Достоевского представляло для него особую ценность. Это утверждение основывается на двух фактах: во-первых, Уишоу-переводчика не интересуют произведения других русских писателей, зато количество переведенных им произведений Достоевского достаточно внушительно¹; во-вторых, Уишоу-писатель дает одному из своих героев фамилию Dostoieif (фамилия русского писателя в транслитерации Уишоу – Dostoieffsky)².

Приступая к анализу работ Уишоу-переводчика, следует упомянуть, что в конце XIX в. художественный перевод переживал этап становления, поэтому требований, которым он должен был соответствовать, не существовало. Важную роль в данном случае играла и репутация Достоевского, созданная его британскими коллегами и критиками, многие из которых отдавали предпочтение Толстому и Тургеневу, а Достоевского считали психологом, мистиком, философом и второстепенным писателем со слабым стилем [1. Р. 30]. Под влиянием этих суждений «переводчики принимались сглаживать шероховатости, приводя автора в соответствие с хорошим западным

¹ Уишоу перевел такие произведения Достоевского, как «Преступление и наказание» (1886 г.), «Униженные и оскорбленные» (1886 г.), «Идиот» (1887 г.), «Игрок» (1887 г.), «Село Степанчиково и его обитатели» (1887 г.), «Вечный муж» (1888 г.) и «Дядюшкин сон» (1888 г.).

² Герой с такой фамилией встречается в произведении «A Tsar's Gratitude» («Царская благодарность» – перевод мой, А.Ш.)

вкусом» [2. С. 595] (перевод мой. – А.Ш.). В связи с этим необходимо поставить вопрос о том, что представляет собой версия романа «Игрок», выполненная Уишоу: пересказ, «приглаженную» в угоду западному критику и читателю интерпретацию или полноценный перевод.

Роман написан в форме дневниковых заметок, о чем читателю сообщает подзаголовок «Из записок молодого человека». Он указывает на то, что перед нами текст, созданный рассказчиком не для публики, а из необходимости разобраться в собственных мыслях и чувствах; это фактически прямая речь героя. Такая форма предполагает большую степень искренности и субъективности, так как мы видим происходящее пристрастным взглядом участника событий, разделяем его симпатии и антипатии. Англоязычному читателю требуется несколько больше времени, чтобы уловить эту важнейшую тонкость, так как Уишоу подзаголовок выпускает.

Изначально Достоевский назвал свой роман «Рулетенбург», («город рулетки»), однако по просьбе издателя произведение вышло под названием «Игрок» [3. С. 89]. В переводе Уишоу название романа передано точно – «The Gambler», поскольку основным значением слова «gambler» является «игрок», «человек, играющий на деньги». Именно такое его употребление типично для английской речевой культуры. Неудивительно, что все переводчики, обращавшиеся к роману после Уишоу (всего известно 11 переводов), воспроизвели название так же.

Роман состоит из семнадцати глав. Описывая композицию произведения, Н.В. Живолупова указывает на «скрыто вводный характер» первой главы [3. С. 90], в которой вернувшийся из двухнедельной отлучки Алексей Иванович возобновляет свои записи. Возвращение героя из непродолжительной поездки позволяет Достоевскому представить читателю всех членов семейства генерала Загорьянского и его «свиту». Важно обратить внимание на хронологические особенности заметок игрока: в первых пяти главах герой ведет дневник непрерывно, затем следует двухдневная пауза [4. С. 699], двенадцатую и тринадцатую главы разделяет месяц, а в начале семнадцатой главы мы читаем: «Вот уже год и восемь месяцев, как я не заглядывал в эти записки...» [5. С. 431]. Хронология ведения записей отображает процесс трансформации внутренних ценностей героя: вначале его мысли и переживания целиком отданы Полине, но как

только он впервые попадает на рулетку, любовь к генеральской падчерице вытесняется всепоглощающим интересом к игре. Уишоу сохранил авторское деление на главы и хронологию записей, что позволяет англоязычному читателю в полной мере ощутить вихрь, подхвативший Алексея Ивановича, увидеть последовательное превращение скромного учителя в заядлого игрока.

Для опосредованной реализации сложного авторского замысла Достоевский использовал в романе систему символических образов. В частности, символическую нагрузку несут пространственные образы, прежде всего географические номинации, использованные автором. Действие романа разворачивается за границей, в вымышленном курортном городе Рулетенбурге в Германии. Такой выбор связан с комплексом почвеннических идей автора: здесь он показывает, что происходит с русским человеком в отрыве от корней. Уишоу трансформирует «Рулетенбург» в «Рулетенберг» («Roulettenberg»). Корень «berg» (*berg* (нем.) – гора) превращает «город рулетки» в «гору рулетки». Такое изменение позволяет увидеть параллель между названием города и названием расположенной неподалеку горы Шлангенберг (нем. «Змеиная гора»). Туристы называют её «модным пуантом» и ходят туда полюбоваться роскошным видом.

В символической структуре пространства романа «Игрок» образ горы Шлангенберг приобретает значение вехи в судьбе героя. Гора как «вершина» – это возвышенность, откуда можно наблюдать панораму города или оценить его и неотделимую от него собственную жизнь с точки зрения ценностного наполнения. Гора в значении «обрыв» – это источник опасности: всегда есть риск сорваться вниз. В этом смысле неслучайны слова героя, пообещавшего однажды Полине броситься вниз со Шлангенберг, если только она прикажет. Таким образом, гора в своем символическом значении предвосхищает кульминацию жизненной ситуации, к которой приближается герой. Гора в данном контексте представляется и как символ испытания, которому подвергается каждый, очутившись в специфической атмосфере Рулетенбурга («Roulettenberg»), – испытания игрой.

В статье Л.М. Ельницкой, посвященной пространственной организации романа, сказано: «Рулетенбург оказывается обманной вселенной без Бога, в которой человек освобождается от своего человеческого долга совершать нравственный выбор и нести ответственность за состояние жизни» [6. С. 17]. Попав в Рулетенбург, Алексей

Иванович обречен, так как все дороги здесь ведут в игорный дом. Рулетка притягивает обманчивой перспективой в один миг переломить судьбу и сорвать банк. Так символическое обозначение ситуации выбора, который предстоит сделать главному герою, появляется у Достоевского еще в первой главе. Заменяя Рулетенбург на Рулетенберг, переводчик берет на себя смелость «уточнить» авторскую символику без видимой необходимости.

Своего рода подсказки для дальнейшего анализа перевода можно увидеть в первой главе, так как она представляет собой экспозицию романа: мы знакомимся с Алексеем Ивановичем и его окружением, получаем представление о том, кто есть кто, каковы взаимоотношения между героями. Здесь очень важна ювелирная работа переводчика, внимание к деталям, так как именно в начале произведения автор закладывает основу будущих сюжетных линий. Неточности, допущенные переводчиком на этом этапе, могут повлечь искажение всей логики сюжета и смысла произведения.

В первой главе появляется ключевой мотив произведения – мотив игры.

«В весьма напыщенной речи, насаживая одну фразу на другую и наконец совсем запутавшись, он дал мне понять, чтоб я гулял с детьми где-нибудь, подальше от воксала, в парке. Наконец он рассердился совсем и круто прибавил:

– *А то вы, пожалуйста, их в воксал, на рулетку, поведете.* Вы меня извините, – прибавил он, – но я знаю, вы *еще довольно легкомысленны и способны, пожалуйста, играть* (курсив мой. – А.Ш.). Во всяком случае, хоть я и не ментор ваш, да и роли такой на себя брать не желаю, но по крайней мере имею право пожелать, чтобы вы, так сказать, меня-то не окомпрометировали...» [5. С. 304].

Примечательно, что именно генерал, спустивший свое состояние и состояние своих детей на авантюристку Бланш и продолжающий при этом жить на широкую ногу, пеняет Алексею Ивановичу на легкомыслие, которого не замечает за собой и выказывает заботу о приличиях. Именно генерал первым видит у Алексея Ивановича склонность к игре, чем подталкивает его к рулетке.

Особо важными для дальнейшего анализа перевода представляются два фрагмента первой главы: история о ссоре со священником, рассказанная Алексеем Ивановичем за обедом, и его разговор с Полиной в конце главы.

Историю о происшествии в римском посольстве предваряет краткое описание поведения француза и генерала за обедом, которое важно тем, что объясняет причины резкого и даже грубого поведения Алексея Ивановича.

«За столом французик *тонирировал* необыкновенно; он со всеми *небрежен и важен*. А в Москве, я помню, пускал мыльные пузыри. Он ужасно много говорил о финансах и о русской политике. Генерал *иногда осмеливался противоречить*, но *скромно*, единственно настолько, чтобы не уронить окончательно своей важности» [5. С. 305].

Генерал, хозяин «обеда по-московски», явно пасует перед самоуверенным французом, заискивает, даже боится выразить своё мнение. Эта частная ситуация отражает общую тенденцию отношения русских к европейцам и их поведение за границей. Уничижительное отношение француза сомнительного происхождения, безропотно принимаемое русским генералом, справедливо выводит Алексея Ивановича из себя и объясняет его дальнейшее поведение. Точно ли передан этот фрагмент в переводе?

Достоевский	За столом французик <i>тонирировал необыкновенно</i> ; он со всеми <i>небрежен и важен</i> [5. С. 305] (тонировать – задавать тон)
Уишоу	The Frenchman <i>swaggered greatly</i> at dinner; he was <i>off-hand</i> , and <i>on the high horse</i> with all the company [7. P. 171]. (swagger – важничать, хвастать, держаться самодовольно, кичиться, надувать щеки)
Подстрочный перевод	Француз <i>важничал очень</i> за обедом, он был <i>небрежен и свысока держался</i> со всей компанией.

Нельзя сказать, что переводчик предельно точен в подборе лексики, он не совсем уловил значение важного здесь глагола «тонировать», однако из перевода ясно, что на обеде у русских француз чувствует себя хозяином положения.

Рассказ Алексея Ивановича о случае в римском посольстве важен как иллюстрация того, каким образом главный герой позиционирует себя в обществе, как он ставит себя в окружении генерала, каково его отношение к католической церкви. Вспоминая эту историю за столом, герой дает окружающим возможность понять, что если католические священники не являются для него авторитетом, то генерал и его «свита» могут делать выводы о том, насколько высоко он ставит их.

Во время своего визита в канцелярию Алексей Иванович встречает «аббатика, лет пятидесяти, сухого и с морозом в физиономии» [5. С. 306–307]. Это краткое описание очень точно рисует образ и позволяет почувствовать ироничное отношение к священнику со стороны автора дневника. Здесь важны выбор слова и его форма. Во-первых, в иерархической системе православной церкви нет аббатов, поэтому для русского человека «аббатиком» может называться любой католический священник невысокого звания. Во-вторых, это отражает отношение героя к католической церкви и её служителям. Существенное значение имеет и уменьшительный суффикс **-ик**, выражающий пренебрежение говорящего к чиновнику. По причине языковой асимметрии диминутивы обычно не имеют прямых эквивалентов в английском. В переводе «аббатик» представлен как «some little parson fellow». Понимая, что должность клирика названа условно, Уишоу выбирает слово «parson» («служитель церкви, пастор, духовное лицо»), а не «abbot» или «abbe». В связи с тем, что в английском не так развита система флексий, переводчик был вынужден прибегнуть к дополнительным средствам – «*little parson fellow*», чтобы передать смысловой оттенок уменьшительного суффикса, однако он выпустил упоминание о возрасте, чем лишил портрет служителя церкви важного штриха и сгладил степень дерзости Алексея Ивановича. Слово сочетание «с морозом в физиономии», так емко характеризующее посредством описания внешности особенности характера персонажа, при переводе было утрачено. Фразу «мой аббат» переводчик превращает в «my little friend» и «my little abbe friend», добавляя, таким образом, намек на фамильярность со стороны Алексея Ивановича, которого не было у Достоевского. В римском посольстве герой ведет себя настойчиво, но без наглости и вызова.

В оригинальном тексте автор обыгрывает разные значения глагола «плевать»: в начале истории с аббатом он использует этот глагол в прямом смысле («А затем уж часть французов перешла на мою сторону, когда я им рассказал, как я хотел **плюнуть** в кофе монсиньора» [5. С. 306]), в конце – в переносном («Так знайте ж, что **мне наплевать** на кофе вашего монсиньора!» [5. С. 307]). В первом случае перевод трудностей не вызывает, во втором они связаны с тем, что в английском языке нет аналогичной идиомы со словом «spit» (плевать), означающей пренебрежение. В результате здесь возникает искажение смысла: «...I shall go and spit in your monsi-

gnor's coffee!» [7. P. 173] («...я пойду и плюну в кофе вашего монсиньора!» – перевод мой, А.Ш.). Возможно, переводчик не знал этой идиомы русского языка или его ввело в заблуждение начало истории, где герой утверждает, что и в самом деле «хотел плюнуть в кофе монсиньора». При прочтении перевода складывается впечатление, что герой не просто настойчивый молодой человек, чье самолюбие задето неуважительным отношением служащего посольства, но именно хам и грубиян.

Возмущенный таким поведением посетителя аббат самоотверженно защищает своего монсиньора: он «бросился к дверям и расставил крестом руки, показывая, что скорее умрет, чем меня пропустит» [5. С. 307]. «Расставленные крестом руки» – жест отчаяния в попытке закрыть собой путь к кардиналу. В переводе руки аббата оказываются скрещенными на груди («crossed his hands on his bosom» [7. P. 173]). Эта интерпретация рисует совсем другую картину, такая поза более свойственна защищающему хозяина телохранителю, излучающему уверенность и силу, а не 50-летнему священнику, который поражен настойчивостью посетителя и во что бы то ни стало намерен защитить своего патрона от его посягательств. Такие неточности в переводе искажают образ главного героя. У Достоевского Алексей Иванович уязвлен неуважением аббатика к русским, которое замечает и у французов, присутствующих на ужине, в связи с чем (в тексте есть указание на то, что Алексей Иванович решил разозлить француза) и начинает рассказ. У Уишоу главный герой превращается в проходимца и хама, вся сила которого в способности «наплевать в кофе» монсиньору.

Другой важный фрагмент первой главы – это разговор Алексея Ивановича с Полиной, из которого становится ясно, что молодой человек без памяти влюблен в падчерицу генерала, хотя с трудом признается в этом даже себе, а его возлюбленная в долгах, как и все генеральское семейство. Сцена не только выявляет характер отношений между Алексеем Ивановичем и Полиной, но и характеризует весь круг действующих лиц, участвующих в реализации романного конфликта, и выявляет человеческую сущность каждого. Мерилом нравственности служит наследство московской тетки генерала Антонида Васильевны Тарасевичевой. Наследства (а значит, смерти тетки) с нетерпением ждет генерал, потому что это позволит ему жениться на хищной мадемуазель Бланш, сама Бланш, которую уст-

раивает брак с генералом, если тот внезапно разбогатеет, и де-Грие, который рассчитывает сорвать свой куш.

Ждет ли этой смерти Полина? В оригинале Полина не высказывает открыто претензий на наследство, но знает, что бабушка её «любила» (именно в прошедшем времени, как будто та и в самом деле уже умерла), и верит, что ей по завещанию тоже что-то достанется. В переводе Полина выглядит более расчетливой и корыстной, чем в оригинале, так как Уишоу меняет структуру предложений в диалоге:

Достоевский	– Итак, <i>здесь все</i> в ожидании? – спросил я [5. С. 309].
Уишоу	«So that <i>you</i> are still living on hope, <i>all of you</i> ?» I asked [7. P. 175].
Подстрочный перевод	«Так <i>вы</i> все еще живете надеждой, <i>все вы</i> ?» – спросил я.

Словосочетание «здесь все» не указывает прямо на то, что Полина входит в число ожидающих кончины бабушки, тогда как местоимение «you» («вы»), употребленное переводчиком, не допускает двойного толкования. Причем такая замена произведена в нескольких предложениях подряд, не оставляя читателю никаких сомнений в корыстных ожиданиях Полины.

В продолжение фрагмента впечатление усиливается.

Достоевский	– И вы надеетесь? – спросил я. – <i>Ведь я ей вовсе не родня</i> , я только генералова падчерица. [5. С. 309].
Уишоу	– And do you hope it <i>too</i> ? – <i>Why not?</i> She is no relation of mine. I am only the general's step-daughter [7. P. 175].
Подстрочный перевод	– И вы надеетесь <i>тоже</i> ? – <i>Почему нет? (А что?)</i> Она мне не родня. Я всего лишь падчерица генерала.

Переводчик правильно понимает, что Алексею Ивановичу важно узнать, как к смерти бабушки относится его возлюбленная, поэтому в переводе реплики Алексея Ивановича появляется усиливающее этот оттенок наречие «too» («тоже»). Однако Уишоу неверно интерпретирует ответ Полины. У Достоевского она говорит «Ведь я ей вовсе не родня, я только генералова падчерица», – подразумевая, что бабушка не обязана ей ничего оставлять, но, наверное, оставит, по-

тому что хорошо к ней относится. В переводе Уишоу девушка начинает свой ответ фразой: «Why not?» («Почему нет?! А что?»), – и из дальнейших объяснений следует, что она не считает такую надежду постыдной, ведь бабушка ей не родственница.

Окончание разговора заслуживает отдельного внимания, в нем Полина приказывает Алексею Ивановичу пойти на рулетку и играть для неё, так как ей «деньги во что бы ни стало теперь нужны» [5. С. 311]. У героя не возникает сомнений, он даже не пытается придумать другой способ добыть для неё деньги, но он должен помочь и отправляется на рулетку.

Здесь внимание приковывает дважды употребленная автором фраза «во что бы то ни стало», прозвучавшая сначала из уст Полины и повторенная вслед за ней выполняющим приказ Алексеем Ивановичем. Деньги *во что бы то ни стало* нужны ей, а ему *во что бы то ни стало* нужно их выиграть для неё. Это словосочетание, усиленное повтором, отражает суть отношений героев: Полина повелевает, Алексей Иванович подчиняется. В переводе используется идиома «at any cost» [7. Р. 177] («любой ценой»), которая имеет очень близкое значение и коннотацию к исходному выражению. Однако переводчик убирает другой авторский повтор – слова «рулетка»: в начале отрывка она передана как «roulette-table» [7. Р. 178], а в конце заменена на «gambling saloon» [7. Р. 178] («игорный зал»). Присутствие навязчивой идеи при таком переводе сохраняется, но исчезает ощущение пульсации, созданное в авторском тексте посредством повтора. Также стоит отметить, что этот повтор позволяет «закольцевать» главу, в начале которой генерал предостерегал Алексея Ивановича от игры («А то вы, пожалуй, их в воксал, на рулетку, поведете»).

В оригинальном тексте романа особую функцию выполняет деление текста на абзацы. Их длина позволяет отразить тонкости эмоционального восприятия событий главным героем, его внутренние метания. Работая над переводом, Уишоу зачастую нечуток к авторским абзацам. Так, например, в самом начале первой главы переводчик по собственному почину отделяет красной строкой первое появление Полины Александровны, тем самым акцентирует его, предвосхищая ключевую роль этой героини в сюжете и особенное отношение к ней Алексея Ивановича. В некоторых случаях Уишоу объединяет два абзаца в один. Например, в конце первой главы раздумья

Алексея Ивановича о его чувствах к Полине прерываются мыслью о том, что необходимо сей же момент идти на рюлетку. Автор ставит здесь многоточие и начинает новый абзац, показывая, что размышления героя резко, будто против его воли, переключаются с внутренней сферы на внешнюю. Переводчик же соединяет два абзаца в один и заменяет многоточие точкой, снимая тем самым ощущение недосказанности, незавершенности, создаваемое автором. Этот фрагмент говорит о том, что Уишоу не всегда внимателен и к нюансам авторской пунктуации, которая в произведениях Достоевского имеет особое значение, указывая без риторического объяснения на смысловые особенности фрагментов.

Важную роль в дневнике играют многочисленные вкрапления на французском языке, что обусловлено рядом причин: во-первых, несколько героев произведения – французы; во-вторых, представители русского дворянства свободно владели этим языком, и русские фразы в их речи часто перемежались с французскими; в-третьих, герои произведения находятся за границей и лишены возможности свободно пользоваться родным языком. Использование французского позволяет автору воспроизвести типичное для русской аристократии речевое поведение, которое само по себе подразумевает определенную степень отрыва от родной культуры, и усилить ощущение чужбины.

В переводе французские реплики сохранены не полностью. Более прочих здесь важны русские слова во французской транслитерации «*outchitel*» и «*la baboulinka*». Первое отражает уничижительное отношение французов к Алексею Ивановичу, занимающему незначительную должность учителя, а второе показывает, с каким нетерпением мадемуазель Бланш и де-Грие ждут смерти генеральской тетки Антонида Васильевны Тарасевичевой. Определение «бабуленька» показывает, что француза и генерала не волнует возможная смерть человека, их заботит та выгода, которую они могут из этого извлечь. «*La baboulinka*» становится своего рода метафорой, обозначающей вожделенное богатство, причем обогащенная уменьшительно-ласкательным суффиксом форма слова, традиционно выражающего теплые чувства, привязанность, заботу о старшей родственнице, в контексте романа противопоставлена смыслу, в котором слово употребляется французами. За счет этого автор подчеркивает их алчную сущность и глубокую

безнравственность, которая, однако, вовсе не коробит генерала. В переводе Уишоу сохраняет слово «ouchitel», но заменяет «la baboulinka» на «granny». Используя слово «granny», Уишоу снимает авторское указание на корыстолюбие и бесчеловечную расчетливость героев, то есть искажает их образы. Франкоязычные диалоги в переводе также переданы на английском.

Проведенный анализ работы Уишоу над переводом романа Достоевского «Игрок» позволяет утверждать, что, несмотря на трансформации, перед нами не пересказ, а перевод, так как Уишоу сохраняет композицию романа, сюжет, структуру глав и полноту их содержания. Неточности в переводе можно объяснить рядом причин. Во-первых, за два года Уишоу выпустил семь переводов, что неминуемо сказалось на их качестве. Во-вторых, в конце XIX в. переводчики еще не пришли к осознанию необходимости сохранять особенности авторского стиля в переводе. В-третьих, работы Уишоу в определенной степени отражают установки британского литературоведения того времени, согласно которым Достоевского было принято считать писателем-психологом со слабым стилем. Особое внимание переводчика к творчеству именно этого романиста позволяет утверждать, что Уишоу не разделял мнение некоторых английских критиков о «посредственности» таланта писателя, однако переводчик предсказуемо попытался сгладить «недостатки» авторского стиля.

Литература

1. *Leatherbarrow W.J.* Introduction: Dostoevskii and Britain. // *Dostoevskii and Britain*. – Oxford/ Providence, USA : Berg Publishers Limited, 1995. – P. 1–38.
2. *The Oxford Guide to Literature in English Translation*. Edited by Peter France. – Oxford University Press, 2000. – 1364 p.
3. *Живолупова Н.В.* Игрок // Достоевский : Сочинения, письма, документы : Словарь-справочник / сост. и науч. ред. Г.К. Щенников, Б.Н. Тихомиров. – СПб., 2008. – С. 89–93. (Достоевский и русская культура).
4. *Трубецкой Н.С.* История. Культура. Язык / сост. В.М. Живова. – М. : Изд. группа «Прогресс», 1995. 798 с.
5. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: канонические тексты / под ред. В.Н. Захарова. – Т. 6. – Петрозаводск : Изд-во Петрозавод. гос. ун-та, 2005. – 776 с.
6. *Ельницкая Л.М.* Хронотоп Рулетенбурга в романе Достоевского «Игрок» // Достоевский и мировая культура. – СПб., 2007. – Альм. 23. – С. 16–23.

7. *Dostoevsky. The Family and the Gambler* / Translated by Whishaw F.J. – London, 1887. – 318 p.

F.M. DOSTOEVSKY'S *THE GAMBLER* IN F.J. WHISHAW'S TRANSLATION: PRELIMINARY NOTES

Text. Book. Publishing. 2014, no. 2 (6), pp. 17–29.

Shatokhina Anastasiia O. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation).
E-mail: shato3012@yandex.ru

Keywords: F.M. Dostoevsky, *The Gambler*, F.J. Whishaw, translation.

The first English translation of Dostoevsky's *The Gambler* was released by writer F.J. Whishaw in 1887. Those days literary translation was on the stage of formation, Dostoevsky was regarded in Britain as a secondary figure among Russian writers, and his unconventional style was referred to the disadvantages. It is important to find out how these circumstances influenced Whishaw's work. We can get an insight of Whishaw's concept as a translator via comparative analysis of the first chapter of the original text and the translation. It is important to pay attention to the following points: reproduction of the symbolic meaning of the chronotope, metaphorical Russian lexical units given in French transliteration, as well as the accuracy of translation of the two fragments – the story in the Roman embassy and the dialogue between Alexey Ivanovich and Polina.

Comparison of the original text and the translation elicited a number of inaccuracies. The translator changed the name of the town from Roulettenbourg to Roulettenberg, interpreting the symbolic meaning of the novel space in his own way. Whishaw often translates French lexical units, though they play the key role in creating the moral of the characters. In the scenes describing the story in the Roman embassy and the dialogue of Alexey and Polina there is a number of lexical inaccuracies which cause distortion of the heroes' characters and their motives in translation.

To sum up we can say that Whishaw's version is the translation (not the retelling or loose translation) with a number of semantic inaccuracies taking away or shifting the author's accents that distort the human nature of the heroes and the author's intention. Despite his special attitude to Dostoevsky Whishaw still was not able to avoid the impact of the British literary critics and writers and tried to make the style of the novel more suitable for the reader accustomed to Victorian literature.

References

1. Leatherbarrow W.J. *Dostoevskii and Britain*. Oxford, Providence : Berg Publishers Limited, 1995, pp. 1–38.
2. France P. (ed.) *The Oxford Guide to Literature in English Translation*. Oxford University Press, 2000. 1364 p.
3. Zhivolupova N.V. *Igrok* [The gambler]. In: Shchennikov G.K., Tikhomirov B.N. *Dostoevskiy: Sochineniya, pis'ma, dokumenty. Slovar' – spravochnik* [Dostoevsky. Works, letters. Documents. A glossary]. St. Petersburg : Pushkinskiy Dom Publ., 2008, pp. 89–93.
4. Trubetskoy N.S. *Istoriya. Kul'tura. Yazyk* [History. Culture. Language]. Moscow: Progress Publ., 1995. 798 p.

5. Dostoevskiy F.M. *Polnoe sobranie sochineniy. Kanonicheskie teksty* [The complete works. The canonical text]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Publ., 2005. 776 p.

6. El'nitskaya L.M. *Khronotop Ruletenburga v romane Dostoevskogo "Igrok"* [The chronotope of Ruletenburg in the novel by Dostoevsky "The Gambler"]. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura* [Dostoevsky and world culture]. St. Petersburg, 2007. Almanac no. 23, pp. 16–23.

7. Dostoevsky. *The Family and the Gambler*. Translated by F.J. Whishaw. London, 1887. 318 p.